

Содержание

Дмитрий Николаев, Елена Трубилова

“Переведите русскую душу на французский язык...” 9

ТЭФФИ

Кусочек жизни

РАССКАЗЫ

На скале Гургесинской	29
“Ке фер?”	33
Ностальгия	37
Воскресенье	40
Сырье	45
Как мы праздновали	48
Файфоклоки	52
Башня	56
Мертвый сезон	60
Две встречи	64
Квартирка	68
Лапушка	72
День	79
Цветик белый	83
О славе	86
Сладкие воспоминания	90
Из фиолетовой тетради (I)	94
Святочные советы	98
Из фиолетовой тетради (II)	101

Потустороннее	105
Гурон	109
Первое апреля	114
Танго смерти	117
Тихий спутник	121
Народный язык	125
К Востоку	128
Приключение	132
Письмо из-за границы	138
Лестница	142
Табльдот	146
Фамильный небоскреб	151
Мой маленький друг	155
Жена	160
Золоченый стулик	166
Удивительные люди	172
Чудо весны	176
Карп	181
Яркая жизнь	186
Что было бы, если... ..	191
Международное общество	196
Рассказ продавщицы	202
О любви к Отечеству	207
Чучело	212
Сердцеведки	220
Психологический факт	226
Звено	232
Благородный жест	237
Как француженки	243
Об одном диване	250
Из тех, которым завидуют	255
Два романа с иностранцами	262
Таня Соколова	272
Кусочек жизни	277
Русское	283
Три жизни	288
Наш быт	310

Конец предприятия	315
Разговорчик	320
Сосед	325
Средний англичанин	331
Неделя самопожертвования	336
Ловкач	342
Русский день	347
О бодрости	352
Была война	358
Ночь	364
Париж	369
Перу	375

МЕМОАРЫ

Распутин	387
Первый джентльмен (<i>Памяти П.А. Тикстона</i>)	414
Река времен	419
О Бальмонте	425
Алексей Толстой	436
Федор Сологуб	448
Мой друг Борис Пантелеймонов	464
А.И. Куприн	471

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Борис Пантелеймонов Тэффи</i>	485
<i>Дмитрий Николаев, Елена Трубилова</i>	
Комментарии	495

“Переведите русскую душу на французский язык...”

В начале XX века имя Надежды Александровны Тэффи знала, без преувеличения, вся читающая Россия. В любви к писательнице сходились люди самых разных возрастных категорий, социального статуса, политических взглядов и литературных пристрастий, среди которых были последний российский император и будущий советский вождь, скандально известный старец и председатель Временного правительства. Что до простых почитателей Тэффи, их число измерялось миллионами. Отчего же тогда в 1919 году, со многими злоключениями и лишениями, она ступит на борт парохода “Великий князь Александр Михайлович”, держащего курс из Новороссийска в Константинополь, и уже никогда больше не вернется в Россию? Чтобы понять причины эмиграции писательницы, обласканной славой на родине, обернемся на два года назад.

1917 год. Подобно многим демократически настроенным собратьям по перу Тэффи горячо приветствует Февральскую революцию, отмежевываясь от тех, кто заговаривает об отъезде из взбаламученной России. В июньских публикациях газеты “Русское слово” она с презрением говорит о “так называемой интеллигенции”, которая разочарована революцией, совсем, как выяснилось, не похожей на “карнавал в Ницце”. Готовая мириться с неизбежными трудностями революционного времени, Тэффи призывает потерпеть и сограждан: “Чем хуже и страшнее, и противнее все то, что мы видим, тем более мы должны радоваться, что свершилась наконец революция, что теперь открыт путь к свободной борьбе со злом. Какой хирург огорчился бы, если бы, вскрыв живот пациенту, умирающему от аппендицита, увидел гнойник, а не букет роз? <...> Каждый понимает, что возврата нет, что операция была предпринята, когда Россия уже умирала” (“Дезертиры”). Она еще верит в социализм как “великую идею”, к которой просто по недоразумению пристроились опорочившие ее большевики. “Какая огромная работа — снова поднять и очистить от всего этого мусора великую идею социализма!” — убежденно восклицает писательница. Отношение к самим большевикам у Тэффи снисходительное — как к недалеким, лишенным политической интуиции, но не опасным последователям своего фанатика-вождя. Ленин остается в ее глазах таким, каким запомнился по их недолгой совместной работе в газете “Новая жизнь” в 1905 году: “искренний и честный проповедник великой религии

социализма”, но, к сожалению, лишенный “вдохновения”, “взлета”, “огня” (“Немножко о Ленине”).

Но вот на смену Февралю пришел Октябрь, и многие из тех, кто еще недавно ликовал, приветствуя революционные преобразования в России, с беспомощной растерянностью и испугом смотрели на то, что за этим последовало. Если перевести это в метафорическую плоскость, можно припомнить опубликованный в журнале “Огонёк” за год до революции рассказ Тэффи “Апельсин” — о сосуществовании бок о бок двух миров, непонятных и чуждых друг другу.

В одном из них — мире девятилетней дворянки Кишмиш — звучит нежная музыка, женщины носят кружевные платья, от них неумовимо пахнет тонкими духами, братья-задаваки демонстрируют “стигматы дендизма”, героине снятся изысканные сны про “совсем прозрачную, голубую лодку и серебряные камыши”, а самое страшное, что можно себе представить, — это есть рыбу ножом. В мире Ганки, простой деревенской работницы, радости бесхитростны — краюха хлеба да головка чесноку (“Очень было страшно, что Ганка ест такую гадость <...> Уж лучше бы рыбу ножом”), ее быт примитивен: холщовые рубахи, лопаты, которыми полют дорожки в саду, из нарядов только красный кушак. Да еще дворня судачит про какую-то темную историю с солдатом, от которого у Ганки ребенок... По-детски влюбленная, замороженная природной красотой и веселой ловкостью Ганки, Кишмиш, желая порадовать своего кумира лучшим из того, что знала на свете, решается на преступление — украдкой берет для нее в кухне апельсин. Символ солнца, красавец, радость! Никогда не видевшая заморской диковины, Ганка, не чистя, надкусила кисло-горькую корку и — сморщившись, выплюнула. “Я стала воровкой, чтобы дать ей самое лучшее, что я только знала в мире. А она не поняла и плюнула”.

Интеллигенция, восторженно принявшая Февральскую революцию, была такой вот Кишмиш из нежного, тонкого, кружевного мира, которая влюбилась в придуманную ею грубую, шершавую красавицу Ганку. Октябрь многих из них отрезвил.

На протяжении всего нескольких месяцев отношение Тэффи к происходящему в России меняется: от радостно-приподнятого воодушевления и призывов к разумному терпению к растерянности и осознанию невозможности жить в стране, вдруг ставшей чужой. Названия фельетонов королевы русского смеха становятся все мрачнее и безотраднее: “Рассудок на веревочке”, “Гильотина”, “Еще похороны”, “Из мертвого города”, “Новый психоз”, “Убиенные рабы” и т. п.

“Города обратились в сплошной рынок, — констатирует она в фельетоне «Торговая Русь» в январе 1918 года. — Пройдите по улицам — вам предложат портрет генерала в черепаховой рамке, сапоги, дверную ручку, самовар, старые штаны и золотые часы, а может быть, и вашу собственную шапку <...>

- Купите пиджачок, товарищ, дешево продам.
- Да он у тебя весь кровью залит, пиджак-то.
- Чего там рассматривать, товар хороший.
- <...> Да в твоём товаре больше крови, чем пиджака”.

Все в России перевернулось с ног на голову: бывший адмирал служит посыльным, артист императорского театра стоит при входе швейцаром, профессор ботаники взял в руки кнут и сел на освободившиеся козлы. Потому что ломовой извозчик, который сидел на этих козлах, теперь читает лекцию на филологическом факультете университета: “Товарищи университеты! Я вот был ломовиком, а таперича я по этой... по фалале. Потому что вот вам нужно высшее образование. А буржуя к вам подпустить нельзя...” (“Будущий день”. Сатирикон. 1918. № 1).

С хаосом, сопутствующим слову государственной системы, можно было смириться, перетерпеть. Жестокость и насилие были органически невозможны для мира Тэффи.

Из революционной столицы весной 1918 года Тэффи переезжает в более спокойную Москву, с которой у нее связаны воспоминания о счастливых первых годах детства. Но вот и над Москвой сгустился сумрак. Газета “Наше слово” (переименованное “Русское слово”), в которой сотрудничала Тэффи, закрыта новыми властями. Источников средств к существованию оставалось все меньше. Еще раньше в Петрограде арестовали некую артистку, читавшую со сцены фельетоны Тэффи, запретив, как сообщалось в хронике журнала “Театр и искусство” 7 января 1918 года, “зарабатывать хлеб клеветой на народное правительство”.

С каждым днем становилось все очевиднее: следует уезжать. И когда осенью 1918-го Тэффи предложили поехать с гастрольной поездкой на юг, тогда еще относительно спокойный и даже сытый, она согласилась. Об эмиграции она тогда еще не помышляла. Но вида черной виселицы — одно из последних страшных впечатлений на оставляемой ею родине — вынести не могла. Главной причиной ее эмиграции стали не голод, не холод, не физические лишения (этого она с лихвой хлебнет и на чужбине). Бежала оттуда, где “увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата, медленно ползущая струйка поперек тротуара перерезывает дорогу жизни навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя. Можно повернуться и бежать”. Это слова из памфлета Тэффи “На скале Гергесинской”, который будет опубликован в мартовском номере одесского журнала “Трудный день” незадолго до ее окончательного расставания с родиной. Сюжет его отсылает к библейскому мифу о бесах, вошедших в стадо свиней:

“На востоке редко бывают однородные стада. Чаще — смешанные.

И в стаде свиней гергесинских были, наверное, кроткие, напуганные овцы. Увидели овцы, как бросились взбесившиеся свиньи, взметнулись тоже.

- Наши бегут?
- Бегут!

И ринулись, кроткие, вслед за стадом и погибли вместе.

Если бы возможен был во время этой бешеной скачки диалог, то был бы он таков, какой мы так часто слышим последние дни.

— Зачем мы бежим? — спрашивают кроткие.

— Все бегут.

— Куда мы бежим?

— Куда все.

— Зачем мы с ними? Не наши они. Не хорошо нам, что мы с ними...

Что мы делаем? Мы потерялись, мы не знаем...

Но бегущие рядом свиньи знают...

— ...Вы от кого бежите?

— От большевиков.

— Странно! — томятся кроткие, — ведь и мы тоже от большевиков.

Очевидно, раз эти бегут — нам надо было оставаться.

...Бегут действительно от большевиков. Но бешеное стадо бежит от правды большевистской, от принципов социализма, от равенства и справедливости, а кроткие и испуганные — от неправды, от черной большевистской практики, от террора несправедливости и насилия... Бегут. Терзаются, сомневаются и бегут..."

В Киеве, где Тэффи задержалась на три месяца, гастролировал в те дни ясновидящий Арман Дюкло. Собравшиеся на его сеанс беженцы взволнованно ждали ответа на свой главный вопрос — удастся ли им пересечь границу.

Что заставляло их покинуть свой дом?

"Всегда то же самое: взять свое маленькое человеческое счастье и уйти с ним подальше. Туда, где его не отнимут.

Да. Самому честолобивому и самому идейному, отрешенному строителю новой жизни, как и простому каменщику, нужно «вернуться вечером домой». Зажечь свою лампу, развернуть свою книгу и улыбнуться ласковым близким глазам. <...> ведь мы еще встретим счастье и сохраним его? Иначе не может быть.

Мы такие жалкие..." ("Арман Дюкло").

Это "мы" потом часто будет проступать в ее эмигрантских рассказах. Известный литературный прием — условное авторское присутствие: она среди них, такая же, как они. Потому-то Тэффи и была любима своими читателями — ибо не выводила себя из этого круга, не выступала в роли высшего судии.

Подобно большинству беженцев Тэффи не знала, что ждет ее впереди. Она оставляла в России миллионы преданных поклонников и почитателей своего таланта. Обретет ли за границей новых, встретит ли старых своих читателей? И до творчества ли будет — там, в неизвестном?

"Отчизна — это как здоровье: только тот может оценить ее, кто ее потерял навеки", — цитирует Тэффи Мицкевича. Тектонический разлом рос-

сийской истории вместе с отнятой родиной оставит по эту сторону границы все, что было дорого сердцу. Родная языковая среда вскоре сузится до обитателей “Городка”, населенного русскими парижанами, легким будет не доставать воздуха российских просторов (эмигранты обрели свободу, но вне родины не было столь взыскуемой ими воли), французские отели и съемные квартиры не смогут заменить домашних стен, эмигрантские редакции — издательских масштабов огромной страны.

В скромном номере небольшого отеля на улице Виньон, своем первом прибежище в Париже, по заведенной давно, еще в Петербурге, традиции Тэффи устраивает фэйф-о-клок — “смотр новоприбывшим, объединение разрозненных” (Дон-Аминадо. “Поезд на третьем пути”).

Художник Александр Яковлев набрасывает карандашом портрет хозяйки вечера. Тэффи смеется — может, благодаря увековечившему ее Яковлеву она попадет в Лувр. По обыкновению шумит, зычно хохочет во все горло и бахвалится будущими гонорарами Алексей Толстой, заявляя, что непременно купит на них сразу шесть пар лакированных туфель. Его нежная, тонкая жена Наталья Крандиевская, раскрыв свежий номер первого эмигрантского журнала “Грядущая Россия”, с наслаждением читает опубликованные в нем стихи Тэффи:

Он ночью приплывет на черных парусах,
Серебряный корабль с пурпурною каймою.
Но люди не поймут, что он приплыл за мною,
И скажут: “Вот, луна играет на волнах...”
Как черный серафим три парные крыла,
Он вскинет паруса над звездной тишиною.
Но люди не поймут, что он уплыл со мною,
И скажут: “Вот, она сегодня умерла”.

Все еще только начинается, это лишь “увертюра, предисловие, первая глава зарубежного быта”, по удачному выражению одного из гостей того памятного вечера, бывшего прокурора Сената Владимира Павловича Носовича.

Впереди у Тэффи были три с лишним десятилетия.

В эмиграции писательница и ее герои часто будут вспоминать прежнюю жизнь, Россию дореволюционную. Выход сборников Тэффи, пусть даже составленных из переизданных старых рассказов, как это случилось в начале 1920-х годов, воспринимался эмигрантами восточкой с оставленной родины. “Чем нас пленяет ее новая книжка, особенно в нынешние дни эмигрантской тоски, — итожил читательскую любовь к Тэффи А.И. Куприн в рецензии на сборник «Тихая заводь» (Париж, 1921), — так это тем, что вся она глубоко и интимно русская по языку, духу и содержа-

нию. Да-да, именно так все и было у нас раньше, как она рассказывает, были этот простор, и эти милые праздники, и суеверия, и вера, и доброта, и глупость, и сладкая лень, и наша тихая природа, и глупые, мудрые дети, и старушонки, и солдаты, и няньки, и кучера, и фокусники, и студенты — все, что нам так дорого по памяти, с чем от младенческих дней срослись мы душою и что для нас уже не повторится более... никогда!"*

Но время идет, все чаще Тэффи пишет не о прошлом, а о настоящем, становясь подлинным летописцем русской эмиграции: с первых дней, когда беженцы еще были убеждены в скором возвращении на родину, и до послевоенного — уже не Первой, а Второй мировой войны — времени, когда ничего не осталось не только от прежней России, но и от прежней Европы.

Тэффи оказалась во Франции раньше многих других и могла наблюдать за тем, как складывалась эмиграция, как русские воспринимали Париж и как Париж воспринимал русских в начале 1920-х годов.

27 апреля 1920 года в первом номере парижской газеты "Последние новости" публикуется ее рассказ "Ке фер?". И с этого времени на протяжении двух десятилетий русские эмигранты читают о времени и о себе — в рассказах, очерках и фельетонах Тэффи. Иногда между публикациями проходит по несколько месяцев, но чаще они появляются регулярно — каждую неделю.

"Ке фер?" был, наверное, самым известным в эмигрантской среде рассказом Тэффи. Он строится на столкновении русского и французского, но столкновение это передает не только разницу, но и необходимость сближения. Столкновение культурных идентичностей заложено уже в названии рассказа. Вопрос, звучащий обыденно на французском, при переводе на русский отсылает к знаменитому роману Н.Г. Чернышевского "Что делать?". Тэффи изображает не конфликт людей, а конфликт восприятий, причем речь идет о восприятии взаимном, "с двух сторон", не только о восприятии русскими Парижа и французам.

Определение "лерюссы", которое дается героям рассказа, не имеет обозначенного в тексте авторства. Тэффи не говорит, кто и кого так называет, тем самым переводя идентификацию типа в план восприятия: "Живем мы, так называемые лерюссы, самой странной, на другие жизни не похожей жизнью". Она оставляет читателям возможность и отождествлять себя с "мы" рассказа, и отделяться от "лерюссов", смотреть на созданные образы и изнутри, и со стороны.

Образ автора в произведениях писательницы играет разную роль. Иногда Тэффи включается в повествование в качестве действующего лица, иногда смотрит на происходящее со стороны. Но в рассказах и фельетонах 1920 года регулярно подчеркивается, что автор принадлежит к числу бе-

* Куприн А. Бисерное колечко // Общее дело. Париж. 1921. 25 июля.

женцев. Различие, разрыв, иногда даже пропасть между русскими и окружающей их средой не требуют объяснений, рассматриваются как само собой разумеющееся.

Комизм многих рассказов Тэффи эмигрантского периода строится на том, что привычное для парижан оценивается с точки зрения русского. Но это уже не взгляд обеспеченного, привычного к комфорту путешественника, осматривающего достопримечательности, как то было до революции. Теперь оценивающий русский — беженец, и предметом изображения становятся уже не Юнгфрау и Шильонский замок, как в рассказах 1912 года, а “ресторанчики с определенным обедом”, как их называет по-русски Тэффи.

8–9 августа 1921 года Вера Николаевна Бунина записывает в дневнике: “В газетах известие: Тэффи опасно заболела. <...> перевезена в Париж и помещена в городскую больницу. Мне бесконечно жаль ее. Значит, денег у нее нет, раз дело дошло до больницы”. У Тэффи тиф, она на грани жизни и смерти. Бунины советуют ей поехать в Висбаден, где сами отдыхали в августе–сентябре, — известный бальнеологический курорт с горячими источниками, “самый русский” немецкий город. Тэффи проводит там весну–осень 1922 года. Небольших средств, собранных соотечественниками на концерте в ее пользу, хватает ненадолго. Впереди — “дыра в вечность”, как грустно шутит она в письме к Наталье Крандиевской.

В 1922-м Тэффи получит свой последний российский паспорт. Она уже три года в эмиграции. Но, подобно многим, живет еще надеждой на возвращение. На протяжении ряда лет в канун Нового года в парижских газетах печатаются зазывные объявления русских ресторанов и эмигрантских клубов: “Последняя встреча Нового года за границей!”. Каждый раз надеются — последняя. Верят — вернутся.

Первая значительная книга Тэффи, составленная из рассказов эмигрантского периода, вышла в Берлине в 1923 году и называлась “Рысь”. В качестве эпиграфа или подзаголовка в ней напечатаны слова: “Рысь бега-ет рысью”.

Тэффи подчеркивает, что книга эта отражает мироощущение человека, вынужденного бежать, потерявшего родину. Но произведения этого сборника еще нельзя назвать в полном смысле эмигрантскими. Герои Тэффи, как и она сама, находятся словно в некоей пограничной ситуации. Тэффи с сарказмом описывает наглых спекулянтов, болтунов, бывлых красавцев-жуиров, псевдопатриотов, патетически восклицающих: “Умерла Россия. Продали, пропили. Кончено!”, причем отчаяние говорящего вызвано главным образом тем, что мутная жидкость на дне фляжки, к которой он периодически прикладывается, “уж и ни на что не похожа” (“Две встречи”)... Вот идет богослужение в маленькой русской церковке в Париже, священник говорит “прекрасные слова молитвы”. Он молится